

ПОСТРАДАВШИЕ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ ПО СЛОЖИВШЕЙСЯ ПРАКТИКЕ НЕ ПРИЗНАЮТСЯ ПОТЕРПЕВШИМИ

О.В. Полстовалов

Правовое управление администрации городского округа Красногорск Московской области, г. Красногорск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

22 марта 2017 г.

Дата принятия в печать

27 ноября 2017 г.

Дата онлайн-размещения

15 декабря 2017 г.

Ключевые слова

Уголовное реституционное правосудие; права жертв преступлений; потерпевший от преступления; юридические клиники

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правовой незащищенности пострадавших от преступлений, которым, согласно сложившейся практике и в связи с несовершенством действующего законодательства, не удается отстоять свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Наша цель заключается в разработке предложений по совершенствованию правового регулирования по отдельным вопросам защиты прав и свобод жертв преступлений и адаптации к российской действительности модели реституционного правосудия в глобальном измерении. В основе исследования по ключевым проблемам лежит метод восхождения от конкретного к абстрактному через анализ сложившейся на сегодняшний день порочной практики игнорирования нужд пострадавших от преступных посягательств и компаративистский сравнительно-правовой междисциплинарный подход с опорой на отечественные правовые традиции и современные реалии российского преимущественно уголовного правосудия. Автор предпринял анализ проблемы совершенствования правового регулирования в вопросах идеальной совокупности криминальных посягательств и административных правонарушений, раскрыл наиболее острые проблемы обеспечения прав жертв преступлений на самых ранних стадиях процесса, высказал предложения о необходимости помещения в центр системы современного уголовного судопроизводства ценности восстановления нарушенного права, об избавлении законодательства от популизма и конъюнктуры, обретении им характера системного и взвешенного с позиций международных стандартов, требований Конституции России и анализа передового и конструктивного для российской специфики зарубежного опыта по водворению демократического правосудия, обращенного лицом к жертве преступлений, о развитии системы юридических клиник, оказывающих помощь пострадавшим от криминальных проявлений, и пр. Работа может быть полезна для реформирования всего уголовного судопроизводства под эгидой расширения реституционного вектора его развития и в частных вопросах совершенствования правового регулирования обеспечения прав и свобод пострадавших от криминальных деяний, особенно в пограничных с отраслевой точки зрения областях правоприменения.

VICTIMS OF CRIMES WHO ARE NOT RECOGNIZED AS SUCH IN PRACTICE

Oleg V. Polstovalov

Law Department, Krasnogorsk City District Administration, Moscow Region, Krasnogorsk, the Russian Federation

Article info

Received

2017 March 22

Accepted

2017 November 27

Available online

2017 December 15

Keywords

Criminal restorative justice; victims' rights; crime victim; legal clinics

Abstract. The paper examines the lack of legal protection for those crime victims who, according to the existing practice and due to the flaws in contemporary legislation, fail to defend their rights and lawful interests in criminal courts. The goal of the author is to present suggestions on the improvement of legal regulation of some aspects of protecting the rights and liberties of crime victims and the adaptation of the internationally known model of restorative justice to Russian conditions. The research of key problems is based on the specific-to-general method and the analysis of existing bad practice of ignoring the needs of crime victims as well as on the comparative legal interdisciplinary approach supported by Russian legal traditions and the contemporary practice of Russian, mainly criminal, legislation. The author analyzes the problem of improving the legal regulation of the ideal aggregate of criminal infringements and administrative offenses and uncovers the most urgent problems of ensuring the rights of crime victims at the earliest stages of the process, he also suggests placing the value of restoring violated rights at the center of the system of contemporary criminal court procedure, freeing lawmaking from populism and making it systemic and bal-

anced from the standpoint of international standards, demands of the Constitution of Russia and the analysis of international experience that is most advanced and suitable for Russian conditions on the introduction of democratic court procedures that address the needs of crime victims; the author also discusses the development of the system of legal clinics that help crime victims, etc. This research could be useful for the overall reform of criminal court procedures through strengthening the restorative component of its development as well as for the specific cases of improving the legal regulation ensuring the rights and liberties of crime victims, especially in the spheres of law enforcement, where the problem touches upon different branches of law.

Современное уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а личности — от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Потерпевшим, как известно, согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Но как быть в ситуации, когда причиненный вред не охватывается составом преступления, или с тем, кто участвовал в оперативном эксперименте в качестве лишнего производом власти части бизнеса предпринимателя, у которого чиновник вымогал взятку, или кого удалось «уговорить не писать заявление» о совершенном в отношении него преступлении, или кто многие годы не может добиться возбуждения уголовного дела, поскольку никаким разумным сроком в смысле ст. 6.1 УПК РФ стадия возбуждения уголовного дела не ограничивается и ч. 3.1 названной статьи ситуации не исправляет, а национальные механизмы защиты прав именно в этой стадии поистине неисчерпаемы, поскольку нередко «вдогонку» постановлению об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела без труда выносится новое «отказное» постановление, и пр.? Это последнее обстоятельство убеждает в удручающей бесперспективности прогрессивных предложений об упразднении стадии возбуждения уголовного дела, которая превратилась главным образом в «буфер», препятствующий возможности обращений с жалобой в ЕСПЧ, коль скоро неисчерпаемость национальных средств защиты жертв преступлений в данной стадии процесса есть основание для того, чтобы российское государство всякий раз могло избежать ответственности в Европейском суде по правам человека. Эта практическая тенденция на официальном уровне впервые была озвучена в До-

кладе Уполномоченного по правам человека за 2009 г., где такое организованное бесправие было названо «изящной» технологией ухода от реальной защиты прав и свобод граждан в уголовно-процессуальной сфере, когда «едва ли не под любым предлогом по заявлению выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. На которое, естественно, приносится жалоба заявителя. После проверки этой жалобы отказное постановление отменяется, а все материалы возвращаются на повторную проверку. Отказное постановление выносится вновь, а потом по жалобе заявителя вновь отменяется. И так до бесконечности»¹. В свете отношений Россия — ЕСПЧ представляется, что простым усилением ответственности должностных лиц соответствующих правоохранительных структур, с необходимостью которого в целом согласились опрошенные М.А. Мусаевым респонденты из профессионально ориентированной среды, проблему не решить [1, с. 121]. Отчасти может изменить ситуацию предложенная М.А. Мусаевым новелла в ст. 42 УПК РФ в части того, что решение о признании потерпевшим должно приниматься при возбуждении уголовного дела [2, с. 11], а не незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, как в действующем законе. Дело в том, что формула «незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела» действительно дает некий временной люфт, тогда как признание потерпевшим непосредственно при возбуждении уголовного дела, по небезосновательному замыслу М.А. Мусаева, должно гарантированно превращать бесправного заявителя в участника уголовного судопроизводства. Однако и здесь возникает риторический вопрос: а не усилит ли и без того распространенное нежелание возбуждать уголовное дело перспектива одномоментного появления с этим решением назойливого в отстаивании своих прав потерпевшего? Как представляется, еще одна из фундаментальных

¹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год // Российская газета. 2009. 28 мая.

в современных условиях причин бесперспективности более чем обоснованных идей об отказе от стадии возбуждения уголовного дела видится в том, что «благодаря ей» большая часть преступлений и вовсе не находит отражения в официальной уголовной статистике и таким путем искусственно снижается нагрузка на правоохранительные органы и суды, ценой чего выступает повсеместное нарушение прав пострадавших от преступлений. Эту тенденцию очень точно охарактеризовал В.В. Лунеев, который увидел одну из причин недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов в неспособности уголовной юстиции «переварить» даже треть реальной преступности, а регистрация этой части криминальных посягательств может привести к тому, что «система правоохраны рухнет под тяжестью 6–7 млн дел» [3, с. 18].

Примечательна в контексте заявленной темы патовая для перспектив защиты прав и законных интересов пострадавших ситуация, сложившаяся в результате резонансного ДТП на ул. Бакалинской в Уфе с участием четырех автомобилей марок Audi, Suzuki, Opel и Lifan, произошедшего 26 июня 2015 г. Автомобиль марки Audi Q7 выехал на полосу встречного движения и столкнулся с автомобилем Lifan. В результате столкновения управлявшая автомобилем Lifan молодая женщина погибла, а ее дочь сильно пострадала. Повреждения автомобилей марок Suzuki и Opel были существенными, но вред здоровью их водителей, охватываемый даже ч. 1 ст. 264 УК РФ, не был причинен. В частности, водитель автомобиля Suzuki отказался от госпитализации, но его автомобиль был признан не подлежащим ремонту и восстановлению. В подобной ситуации, когда в результате преступного нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств по неосторожности погибает кто-либо, шансы на то, что другим участникам движения, которым не причинен охватываемый составом ст. 264 УК РФ вред, создадут все необходимые условия для защиты их прав и законных интересов не только в уголовном, но и в административном судопроизводстве, минимальны. В этой связи высшая судебная инстанция России линейно просто решает задачу: «При квалификации действий лица, управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения и допустившего нарушение Правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть потерпевшего

(потерпевших), по чч. 1, 3, 4 ст. 12.8 КоАП РФ, чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ дважды учитываются одни и те же признаки объективной стороны составов указанных административных правонарушений и преступлений. Поэтому привлечение такого лица одновременно к административной ответственности по чч. 1, 3, 4 ст. 12.8 КоАП РФ и к уголовной ответственности по чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ недопустимо. При наличии по факту данных противоправных действий постановления о возбуждении уголовного дела по признакам преступлений, предусмотренных чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ, производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном чч. 1, 3, 4 ст. 12.8 КоАП РФ, подлежит прекращению на основании п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ»². Это и понятно: нельзя за административное правонарушение, ставшее «квалифицирующим признаком преступления», привлекать к ответственности отдельно и особо. Но раз такой вопрос вообще возник, то де-факто существует идеальная совокупность преступлений и административных правонарушений в принципе. Однако, как видно из сказанного высшей судебной инстанцией, не сделано никаких прямых оговорок относительно этого феномена. И что делать, когда в результате совершения деяния, предусмотренного ст. 264 УК РФ, причиняется не охватываемый ни одним из составов преступлений в рамках данной статьи вред отдельным участникам дорожного движения?

В приведенном примере возникает ряд сложностей для защиты прав и законных интересов пострадавших от преступления, которым таковым причинен вред, не охватываемый составом уголовно-правового деликта:

1. С материально-правовой точки зрения идеальная совокупность преступлений возможна и случается (ч. 2 ст. 17 УК РФ), но это не имеет прямого отношения к совершению деяния, являющегося преступлением и одновременно причиняющего вред другим участникам события, образующий состав или даже составы административных правонарушений, поскольку толкование уголовного закона по аналогии недопустимо, а в КоАП и КАС РФ институт идеальной совокупности правонарушений вовсе отсутствует.

2. Согласно ч. 1 ст. 50 Конституции России, «никто не может быть повторно осужден за

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2013 года : утв. Президиумом ВС РФ 3 июля 2013 г. Документ опубликован не был // СПС «Гарант».

одно и то же преступление», а в соответствии с п. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод никто не может быть подвергнут суду или наказанию в рамках уголовного преследования под юрисдикцией того же государства за преступление, за которое он уже окончательно был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовной процедурой государства, и это положение не подлежит ограничению даже в условиях чрезвычайного положения (ст. 15 Конвенции), но именно это положение позволило ЕСПЧ в сходных ситуациях прийти к противоречивым выводам: по делу Оливейры против Швейцарии ЕСПЧ отметил, что факты данного дела являлись типичным примером составляющего различные правонарушения единого действия (*concoeurs idéal d'infractions*), а ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции не допускает повторное предание суду за то же правонарушение, и хотя принципу надлежащего отправления правосудия больше отвечало бы вынесение приговора в отношении обоих правонарушений одним судом в рамках единого разбирательства, тот факт, что в указанном деле осуществлялось два обособленных разбирательства, не имеет решающего значения³; по делу Франца Фишера против Австрии ЕСПЧ посчитал, что положения ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции, напротив, были нарушены, поскольку управление транспортным средством в пьяном виде и причинение ввиду этого смерти по неосторожности имели общие «существенные элементы»⁴. Эта противоречивость в реализации международных стандартов отправления правосудия по делам данной категории при идеальной совокупности преступлений с административными правонарушениями существенно осложняет гармонизацию отечественного законодательства по данному направлению пусть даже и забуксовавшей, но все же евроинтеграции.

3. Отсутствуют «пограничные» административные регламенты, когда преференции за уголовно-процессуальной процедурой в рамках доследственной проверки исключают возмож-

³ Case of Oliveira v. Switzerland (84/1997/868/1080) : Judgment Strasbourg 30 July 1998 // Council of Europe. European court of human rights / Österreichisches Institut für Menschenrechte. URL: http://www.menschenrechte.ac.at/orig/98_4/Oliveira.pdf.

⁴ Case of Franz Fischer v. Austria (Application no. 37950/97) : Judgment Strasbourg 29 May 2001 Final 29/08/2001 // Council of Europe. European court of human rights / Österreichisches Institut für Menschenrechte. URL: http://www.menschenrechte.ac.at/orig/01_3/Fischer.pdf.

ность действий по выявлению обстоятельств и доказыванию характера произошедшего и виновности в нем конкретных лиц по административному деликту. Более того, факт наличия признаков ст. 264 УК РФ исключает административное производство по всему ДТП вообще безотносительно к конкретным направлениям причинения вреда, а доследственная проверка, как известно, нацелена на установление обстоятельств преступления, а не характера совершенного тем же деянием административного правонарушения: в лучшем случае будет зафиксирована вся обстановка происшествия с фрагментарным отражением «периферии произошедшего», в худшем — только те объекты, которые непосредственно связаны исключительно с криминальным событием. После проведения на месте дорожно-транспортного происшествия первоначальных действий, предусмотренных пп. 210, 211 и 213 действующего в настоящее время Административного регламента МВД России, в случае оформления материалов сотрудником при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 264 и 268 УК РФ, и наличии признаков административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ, составляется протокол осмотра места совершения административного правонарушения, к которому прилагается схема места совершения административного правонарушения⁵. Таким образом, отсутствие признаков преступлений, предусмотренных ст. 264 и 268 УК РФ, вкпе с наличием признаков административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.24 или ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ, является основанием необходимости составления протокола осмотра места административного правонарушения. В противном случае при наличии признаков преступления доказательственно-удостоверительная деятельность ведется уже в рамках доследственной проверки и составление протокола осмотра места происшествия в этой ситуации подчинено решению задач раскрытия преступления и уголовного преследования виновных в его совершении, а не установлению обстоятельств находившихся в едином с крими-

⁵ Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения : приказ МВД РФ от 2 марта 2009 г. № 185 // СПС «Гарант».

нальным событием механизме произошедшего административных правонарушений. В этой ситуации пострадавшие от криминального ДТП, кому «не посчастливилось» покалечиться в нем до как минимум тяжкого вреда здоровью, вообще никак процедурно в доказывании характера и степени тяжести причиненного им и их транспортному средству вреда, виновности в этом конкретных участников дорожного движения не защищены. Можно сколько угодно рассуждать о том, что доказывание вреда возможно в гражданско-правовом порядке, но какие доказательства понесут в суд такие пострадавшие, которые ни в административном производстве, ни в рамках доследственной проверки никаких «документов на руки» не получают, а суды требуют именно официального подтверждения виновности в ДТП конкретного участника дорожного движения?

Условно все разновидности идеальной совокупности правонарушений уголовно-правового и любого иного свойства можно разделить на интернальные, т.е. обращенные вовнутрь и купируемые конкретными составами правонарушений, в том числе в рамках простой конкуренции, и экстернальные, т.е. выходящие за пределы охватываемого составом преступления правонарушения по причинению вреда другим участникам события. Как видно из актуальной на сегодняшний день практики, пограничные области «уголовное — административное» оказываются наиболее уязвимыми с позиций обеспечения надлежащего режима всемерной защиты прав и законных интересов всех без исключения пострадавших.

От сложившейся порочной тенденции игнорирования прав и законных интересов пострадавших от преступления, которые в уголовном судопроизводстве не признаются потерпевшими вследствие того, что причиненный им вред не охватывается составом преступления, а в административном производстве по делу не составляется масса документов и не проводятся требуемые для установления обстоятельств произошедшего действия ввиду превалирования уголовно-процессуальной процедуры, можно избавиться на основании двух вариантов изменения ситуации к лучшему. Первый, наиболее удобоваримый в свете международных стандартов вариант видится в необходимости обеспечения рассмотрения всего дела по всем правонарушениям в рамках одного судопроизводства для осуществления надлежащего правосудия. В этой ситуации следует придать особый статус

жертвам преступления, которые не выступают в уголовном процессе в качестве потерпевших, но которым причинен не охватываемый составом того или иного уголовно наказуемого деликта и доказываемый публичным путем вред. Участие таких лиц в производстве по делу должно быть обеспечено возможностью заявления гражданского иска в уголовном процессе по аналогии с потерпевшим. Более, казалось бы, экономичным с точки зрения приложения усилий правоохранительных органов на начальных этапах установления обстоятельств административных правонарушений, но и более сложным как в вопросах обеспечения надлежащего правосудия и гарантий прав жертв преступления, так и в производстве в судах административной и уголовной юрисдикции выглядит второй вариант выхода из сложившейся ситуации. Это решение внешне кажется самым простым: создание «пограничных» регламентов или определение в действующем ведомственном нормативном акте возможности осуществления «административного» осмотра места ДТП при наличии признаков преступления в целях установления обстоятельств именно самостоятельного запрещенного нормами КоАП РФ деликта. Помимо прочего, такой подход не будет универсальным в ситуации, например, расследования ведомственной комиссией несчастного случая на производстве, когда при обнаружении признаков преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, причиненный иной не охватываемый составом криминального деликта вред здоровью пострадавших уходит на «периферию» приложения усилий по установлению обстоятельств произошедшего.

Справедливо подчеркивая отсутствие в УПК РФ точного определения момента времени или периода, с которыми должно быть связано принятие решения о признании лица потерпевшим, И.М. Шендяпин отмечает, что на практике возникают связанные с соблюдением прав и законных интересов пострадавших от преступления лиц проблемы, и одновременно указывает на следующее: «И наоборот, преждевременное и необоснованное наделение лица статусом потерпевшего влечет за собой нарушение интересов других участников уголовного процесса. Особенно остро эта проблема проявляется в настоящее время при расследовании дорожно-транспортных происшествий» [4, с. 402]. Думается, что острота проблемы была выделена автором именно в связи с нарушением прав

пострадавших, которые несвоевременно признаются потерпевшими, поскольку обратная ситуация преждевременного и необоснованного наделения лица статусом потерпевшего при исследовании обстоятельств дорожно-транспортного происшествия с признаками преступления выглядит несколько надуманной. И здесь мы вновь сталкиваемся с неоднократно обсуждавшейся в литературе проблемой признания потерпевшим жертвы преступления, которая сама по себе до обретения такого статуса должна быть наделена определенными правами, которых в настоящее время практически нет.

В процессуально-правовом смысле жертва преступления обретает статус потерпевшего по факту принятия решения о признании ее таковым, которое, по замыслу законодателя, должно происходить незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляться постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Однако И.В. Жеребятьев пишет о том, что лицо будет являться потерпевшим в смысле ч. 1 ст. 44 УПК РФ лишь после вступления обвинительного приговора суда в законную силу, поскольку «с вынесением оправдательного приговора пострадавший от преступления может так и не состояться потерпевшим в уголовно-правовом смысле слова...». В свете анализа прогрессивных положений подготовленного Государственно-правовым управлением Президента РФ проекта УПК и Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ в части разграничения процессуальных фигур пострадавшего и потерпевшего И.В. Жеребятьев приходит к заключению о том, что «при подаче заявления о совершении преступления так называемого «потерпевшего» логично бы называть «заявитель», при дальнейшем осуществлении им уголовно-процессуальной деятельности на досудебных и судебных стадиях следовало бы использовать понятие «пострадавший», и лишь с момента вступления приговора в законную силу (очевидно, что автор имеет в виду обвинительный приговор. — *О. П.*) мы можем иметь дело с лицом, которое действительно будет являться потерпевшим в том смысле, который в него вкладывается нормой ч. 1 ст. 42 УПК РФ. Что касается объема прав, то «пострадавший» и «потерпевший» должны обладать одинаковыми правами и обязанностями, и лишь «заявитель» — несколько меньшими исходя из специфики его процессуального положения и

того времени, в течение которого он участвует в производстве по делу...» [5, с. 81–82]. Совершенно иной точки зрения о моменте появления потерпевшего в материальном уголовно-правовом смысле придерживается Р.А. Сабитов, который не без оснований считает, что с позиций уголовного права потерпевший существует независимо от признания его таковым в уголовно-процессуальном порядке, и «в уголовном праве потерпевший появляется с момента причинения лицу преступного вреда, а в уголовном процессе — с момента вынесения постановления дознавателем, следователем, судьей или определения суда о признании лица потерпевшим...» [6, с. 18]. Такое разногласие определяется тем, что специалист в области уголовного материального права Р.А. Сабитов справедливо видит в потерпевшем признак состава преступления, а исследователь проблем уголовного судопроизводства И.В. Жеребятьев вполне обоснованно пытается придать динамику процессу окончательной квалификации деяния. Другое дело, что даже вступивший в законную силу обвинительный приговор не может быть признан окончательным как минимум для незаконно осужденного. И та и другая точка зрения имеет под собой основания, но каждая из них упирается в то, что потерпевший представлен средством, а не самоцелью. Попытки объяснить закон из него самого и основанное на симбиозе анализа практики с ее «дефектами» и законодательных положений исследование, безусловно, продуктивны в рамках существующей системы координат. Вместе с тем жертва преступления до настоящего времени как самоцель не попала не только в самую основу системы уголовного правосудия, несмотря на декларативные формулы его назначения в свете ст. 6 УПК РФ, но и в центр дискуссий на определяющем все и вся уровне.

Впрочем, недооценка прав потерпевшего есть не только сугубо отечественный тренд, поскольку, как отмечает один из известнейших зарубежных исследователей проблем обеспечения прав жертв преступлений Ирвин Уоллер, «массовая индустрия выросла вокруг правосудия для преступника», в то время как основные потребности и право на справедливость жертв криминала нередко игнорируются [7, р. 11]. Однако уже с 80-х гг. прошлого столетия в Великобритании и США отмечается рост заинтересованности в обеспечении прав жертв преступлений на основе концепции реституционного (восстановительного) правосудия, ключевую

идею в «англосаксонской» интерпретации которого Брайан Уильямс свел к стремлению к возвращению жертв правонарушений в то состояние, в котором они находились до совершения преступления, «в идеале вовлекая их всех в процесс принятия решений и по возможности пытаясь примирить их конфликты путем неофициального обсуждения» [8, р. 57]. В Великобритании трансформация уголовного правосудия с ориентацией на жертву преступления особенно активно набирала обороты в повестке дня уже лейбористского правительства Тони Блэра. Как подчеркивает исследователь английского опыта трансформации уголовного правосудия путем помещения в центр системы жертвы преступления Мэтью Холл, к тому моменту, когда политика лейбористского правительства Тони Блэра переориентировалась на потерпевших от преступлений с конца 2006 г., жертвы уже подверглись радикальной метаморфозе по типу «забытый человек системы уголовного правосудия». Действительно, к этому времени обещания поставить жертв «в центр системы» и достигнуть ориентированного на пострадавших от криминальных проявлений уголовного правосудия уже прочно обосновались в официальной политической риторике Великобритании и появились в многочисленных документах, включая Белую книгу «Правосудие для всех» [9, р. 1]. В любом случае, персонцентристские тенденции трансформации правосудия по отношению к жертве преступления в связи со всемерной защитой ее прав и свобод становятся заметными в ряде развитых стран Запада.

В США по меньшей мере в последние три десятилетия идет активный процесс расширения прав потерпевших. В начале 1980-х гг. команда тогдашнего президента США Рональда Рейгана инициировала исследование вопроса об обращении с потерпевшими в рамках уголовного правосудия. В заключительном докладе по результатам работы целевой группы в 1982 г. была определена программа установления баланса между правами подсудимых и потерпевших. Документ содержал призыв к расширению участия жертв криминальных посягательств на протяжении всего процесса уголовного судопроизводства и реституции во всех случаях, когда потерпевшие несут финансовые потери. Подчеркивая неудовлетворительное обращение судебных органов с жертвами преступлений, президент Рейган в 1982 г. сказал: «Бедственное положение невинных граждан, беззаконие

заслуживают пристального внимания на национальном уровне». Он призвал «всех... вовлеченных в систему уголовного правосудия уделить особое внимание потребностям жертв преступлений и удвоить эти усилия, чтобы наша система реагировала на их нужды» [10, р. 88]. Конгресс занялся разработкой законодательства по обеспечению защиты жертв преступлений на федеральном уровне. Закон о защите жертв и свидетелей 1982 г., по существу, ввел «реституцию потерпевших» и расширил возможности участия жертвы преступления в процессе. В нем же были закреплены положения о выработке руководящих принципов для формирования дальнейшей стратегии в отношении потерпевших и свидетелей преступлений.

В 1990 г. конгресс принял Закон о правах жертв и реституции, в результате чего потерпевшие на федеральном уровне получили права на уведомление о судебном разбирательстве и на присутствие в процессе, на уведомление об изменениях в статусе заключения подсудимого, на консультации с прокурорами и на защиту от агрессии правонарушителя. В 1994 г. был принят Закон о контроле над насильственными преступлениями и правоохранительными органами, который по федеральным делам дал право жертвам выступать по существу выносимого приговора, сделал реституцию обязательной в случаях сексуального насилия и расширил финансирование местных служб по оказанию помощи жертвам. Права потерпевших на федеральном уровне были дополнительно расширены в рамках борьбы с терроризмом, а также по факту принятия ряда нормативных актов: Закона об эффективной смертной казни (1996 г.), Закона о разъяснении прав потерпевших (1997 г.), Закона о правах жертв преступлений (CVRA) в рамках Закона об обеспечении правосудия для всех 2004 г. и пр. [11, р. 9–11].

Президентская Целевая группа по жертвам преступлений с 1982 г. и законодательство на федеральном уровне побудили отдельные штаты укреплять и расширять права жертв. В течение первого года с момента принятия Закона о защите жертв и свидетелей 1982 г. на региональном уровне процесс сдвинулся с мертвой точки, но к 1983 г. «только пять штатов приняли всеобъемлющее законодательство, которое защищает права жертв преступлений и свидетелей» [12, р. 395]. Однако уже к началу 1990-х гг. в каждом штате потерпевшим от серьезных преступлений были гарантированы права быть ин-

формированными, активно участвовать и быть услышанными на протяжении всего уголовного правосудия, а также на получение возмещения от правонарушителя, на защиту от подсудимого, на ускоренное судебное разбирательство, на неприкосновенность частной жизни и другие легальные притязания на справедливое с ними обращение [11, р. 11]. Как известно, в литературе даже на частном примере обеспечения права потерпевшего знать о своих легальных притязаниях, ходе производства по делу неоднократно поднимался вопрос о необходимости изменений отечественного уголовного процессуального законодательства в части расширения формата информирования этого ключевого участника процесса, а О.А. Зайцев даже предложил конкретные поправки в действующее законодательство [13, с. 167]. В свою очередь, И.В. Харитонов отметил, что «информирование потерпевших об их роли и масштабе включения в уголовный процесс является ключевым составляющим реализации других принципов правосудия для жертв преступлений», поскольку «предоставляемые потерпевшему права не будут иметь абсолютно никакого значения, если он не знает об их существовании» [14, с. 172]. Но воз, как известно, и ныне там. В свете сказанного нельзя не согласиться с А.А. Тарасовым в том, что необходимой составляющей обеспечения ответственности правового государства перед населением страны выступает транспарентная, т.е. открытая, прозрачная и гласная, система правосудия [15, с. 16].

В первую очередь любопытен подход, как принято сейчас говорить, «наших американских коллег», где не формальное признание или, напротив, непризнание потерпевшим, а сама жертва преступления подлежит защите. Тем не менее нельзя не отметить аутентичность категории «жертва» в американской интерпретации и российской трактовки категории «потерпевший». К слову, отечественная тема жертвы рассматривается разве что в аспекте виктимологии, крайне редко переходит установленную грань и «появляется» в контексте прав и свобод с предложениями превратить ее из бесправного ведомого и полностью зависимого субъекта в инициатора и наиболее защищаемую законом процессуальную фигуру. Однако впечатляет не только и не столько само американское законодательство, которое далеко не всегда применяется должным образом, поскольку статулы ряда штатов наделяют судей весьма широкими

полномочиями в отношении роли потерпевших в процессе, а немалое число служителей американской Фемиды откровенно негативно настроено к участию жертв преступлений в судопроизводстве [16, с. 100]. Скорее интересен опыт последовательного продвижения реституционного правосудия на федеральном законодательном уровне и в сфере образования в связи с развитием сети юридических клиник по оказанию юридической помощи жертвам преступлений, в работу которых вовлечены студенты вузов США. Представляется, что этот опыт интересен в свете развития идей реституционного правосудия, воспитания небезразличных к судьбе потерпевших юристов, которые со студенческой скамьи проникаются проблемами тех, кто пострадал, по существу, дважды: во-первых, от преступного посягательства, а во-вторых, от игнорирования их прав и законных интересов органами уголовного преследования и судами. Воспитание равнодушия в пику захлестнувшему наше общество безразличию к тем, кто пострадал от преступлений, — это инвестиции в будущее, где правосудие может и должно быть обращено к чаяниям пострадавших. Эта абсолютно бесприкрытая стратегия развития судопроизводства позволит поднять легитимность современной юстиции, повысить уровень доверия к ней, поскольку такой подход основан на справедливости и профессиональном участии в судьбе тех, кто подвергся преступному посягательству.

Отечественному законодателю идея восстановительного правосудия не чужда и даже вполне соответствует правовой традиции, поскольку его формулу еще в 1905 г. очень емко безотносительно к отраслевой принадлежности охарактеризовал М.А. Дьяконов: «Под судопроизводством понимается система норм, определяющих порядок восстановления нарушенных прав» [17, с. 77]. Как справедливо отмечает современный исследователь многомерности восстановительного правосудия Т.В. Исакова, данная концепция ориентирована главным образом «на исправление ущерба и восстановление социальных связей, разорванных в результате преступления; основное внимание она уделяет связям между жертвами, правонарушителями и обществом» [18, с. 91]. Однако, как мы уже отмечали ранее, приведение положения нарушенного преступлением права в «докриминальное состояние» как основа основ движения всего уголовного процесса есть скорее желаемое, чем действительное положение вещей, «поскольку

защита как таковая предполагает процесс, а не результат, и в этом данная категория... имманентна производству по делу... но не предполагает конечного пункта пути — восстановления поправленного преступлением права» [19, с. 123]. Иными словами, за охранительным фасадом современного уголовного правосудия лишь в виде отдельных несвязных элементов угадывается правосстановительный его характер, который всякий раз полностью подминается бюрократизацией и простой линейной экономической рационализацией. Поэтому совершенно фантастическое в современных условиях решение проблемы всемерной защиты прав и законных интересов пострадавших от преступлений видится в расширении не только правосстановительного характера правосудия, но и его системного доминирования с самой начальной стадии преступления с позиций защиты не просто потерпевших, когда таковые обретают свой процессуальный статус на основании вынесенного постановления, а всех без исключения жертв криминальных посягательств. Наделение всеми необходимыми правами жертв преступлений, составами которых охватывается причиненный им вред, и пострадавших от криминальных посягательств, вред от которых не предусмотрен соответствующей нормой Особенной части УК РФ, уже в стадии возбуждения уголовного дела до их признания потерпевшими и пострадавшими с особым статусом позволит в полной мере реализовать куда как более широкий формат не просто охранительного, а именно восстановительного правосудия. А какие в настоящее время права у пострадавшего, если он к тому же не является заявителем? Да практически никаких, если не вести речь, разумеется, о делах частного обвинения. Забуксовавший с 2012 г. проект Федерального закона «О потерпевших от преступлений» выглядит своего рода самопиаром для участвовавших в его разработке депутатов. Этот «эпохальный» законопроект не решает главного — не сводит полюса жертв преступлений и полноправных потерпевших в процессуально-правовом смысле в одну всемерно и на равной основе защищаемую законом позицию. При этом, не вдаваясь в унылые рассуждения о потерпевшем юридическом лице, авторы законопроекта категоричны: «Потерпевший — это физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред» (п. 1 ч. 2 ст. 1 законопроекта). Однако, как ни странно, именно такая трактовка

вселяет ложную надежду: да неужели законоворцы осмелились на то, чтобы потерпевшими у нас признавались в процессуально-правовом смысле лица по факту причинения им преступлением физического, имущественного или морального вреда и вне связи с признанием их таковыми отдельным постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда? Ан нет, все возвращает на круги своя положение о том, что «потерпевший реализует права в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства» и Федеральным законом «О государственной социальной помощи» (ч. 2 ст. 4 законопроекта)⁶. Поэтому, вместо того чтобы кропотливо и по деталям расширять возможности для реализации прав и законных интересов потерпевшего внутри кодифицированного нормативного правового акта, соотнося результаты этой нелегкой работы с другими положениями УПК РФ, требованиями международных стандартов и решений Конституционного Суда России, выбирают то, что проще, легче и может гарантированно привлечь общественное внимание. Однако есть и сторонники именно такого подхода. В частности, справедливо и обоснованно сетуя на бесправность пострадавших от криминальных посягательств, О.А. Тарнавский выступает за принятие отдельного комплексного закона о защите жертв преступлений, в котором, по замыслу автора, должны быть предусмотрены меры безопасности не только в уголовном судопроизводстве, но и в социальной, экономической, культурной и иных сферах [20, с. 79]. Здесь возникает ряд вопросов: только ли о безопасности жертв преступлений стоит заботиться в рамках указанного закона и чем в этой связи не устраивает действующий Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»?⁷ Как защитить права тех, кто не имеет в сложившейся системе координат ни малейшего шанса на восстановление нарушенных преступлением прав? Как выглядят посягательства на безопасность жертв

⁶ О потерпевших от преступлений : проект федер. закона // СПС «Гарант».

⁷ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Там же.

преступлений в культурной сфере? Вместе с тем нельзя не согласиться и с Д.А. Полищуком в том, что современное правосудие, работающее преимущественно ситуационно, по типу «пожарной команды», по факту уже совершенных преступлений, приводит к тому, что «органы власти делают акцент не на устранении социальных причин преступности, а главным образом на административно-репрессивном решении проблемы» [21, с. 6]. Думается, в такой «системе координат» жертва преступления не скоро займет подobaющее ей место.

Все вышеназванное позволяет прийти к следующим выводам:

1. В центр системы современного уголовного правосудия должна быть помещена необходимость восстановления нарушенного права, поскольку защита прав и законных интересов есть лишь отражение нормального и, как представляется, в правовом государстве само собой разумеющегося правового режима, но не конечная цель реституции, возвращения ситуации в исходное до правонарушения положение. Жертва преступлений должна стать полноценным участником уголовного судопроизводства уже с момента заявления ею о совершенном в отношении нее криминальном посягательстве или обнаружении признаков преступления непосредственно органами уголовного преследования и сотрудниками оперативных подразделений. Пострадавший от преступления должен перестать быть обременительной обузой, от которой уже многие годы просто и незатейливо отпихиваются, заставляя его обивать пороги различных, в первую очередь *правоохранительных* (!) и только в десятую-одиннадцатую — *силовых* ведомств. В этом смысле к российской почве должна быть адаптирована концепция реституционного правосудия для всех, а не эксклюзивно и по особому случаю в отношении тех, к кому было приковано общественное внимание.

2. Законотворческий процесс должен носить не сиюминутный и узкий конъюнктурный, а системный и взвешенный с позиций международных стандартов, требований Конституции России и анализа передового и конструктивного для российской специфики зарубежного опыта характер водворения демократического правосудия, обращенного лицом к жертве преступления. При этом законотворчество должно избавиться от примитивного линейного популизма, стать профессиональным и оперативно реагировать как на актуальные вызовы современному российскому обществу в глобальном измерении, так и на те узкие профессиональные проблемы, которые, как в приведенном примере с пострадавшими от преступления, вред которым не охватывается составом криминального посягательства, требуют безотлагательного решения.

3. На образовательном уровне необходимо развивать систему юридических клиник помощи жертвам преступлений, которые должны рассчитывать на государственную поддержку с тем, чтобы получить выпускника нового поколения — небезразличного к судьбе пострадавшего от криминального посягательства профессионала, способного и желающего помочь своим компетентным и добросовестным участием людям, оказавшимся в подобной сложной жизненной ситуации.

Как представляется, не отдельный, даже самый резонансный закон, не изменение с отраслевой точки зрения пограничных областей правоприменения по детальной регламентации частных проблем, а именно единая интеграционная модель всего правосудия, ориентированного на восстановление нарушенного права, на то, чтобы пострадавшие от деликта лица и организации находились в центре внимания, может изменить ситуацию, но только в случае приложения воли сильного государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим / М.А. Мусаев // Юридическая наука: история и современность. — 2012. — № 1. — С. 118–126.
2. Мусаев М.А. Защита жертв преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / М.А. Мусаев. — М., 2012. — 50 с.
3. Лунеев В.В. Проблемы уголовного права и других наук криминального цикла / В.В. Лунеев // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. — М. : Юрайт, 2010. — С. 15–52.
4. Шендяпин И.М. О моменте признания лица потерпевшим / И.М. Шендяпин // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Гуткина) : сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — М. : Акад. упр. МВД России, 2009. — Ч. 1. — С. 401–405.
5. Жеребятъев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России / И.В. Жеребятъев. — Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2004. — 220 с.

6. Сабитов Р.А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» / Р.А. Сабитов // Виктимология. — 2014. — № 1 (1). — С. 17–26.
7. Waller I. Rights for victims of crime: rebalancing justice / I. Waller. — London : Rowman & Littlefield Publishers, 2011. — 212 p.
8. Williams B. Victims of crime and community justice / B. Williams. — London : Jessica Kingsley Publishers, 2005. — 176 p.
9. Hall M. Victims of Crime. Policy and practice in criminal justice / M. Hall. — Portland : Willan Publishing, 2009. — 262 p.
10. Kepple D.J. The Victim and Witness Protection Act of 1982: Retroactive Application for Continuing Crimes / D.J. Kepple // Fordham Law Review. — 1989. — Vol. 58, iss. 1. — P. 87–100.
11. Securing Rights for Victims. A Process Evaluation of the National Crime Victim Law Institute's Victims' Rights Clinics / R.C. Davis [et. al.]. — Santa Monica : RAND Corporation, 2009. — 112 p.
12. Budewitz L.A. State Legislation in Aid of Victims and Witnesses of Crime / L.A. Budewitz // Journal of Legislation. — 1983. — Vol. 10, iss. 2. — P. 394–413.
13. Зайцев О.А. Информирование потерпевших о принятии уголовно-процессуальных решений / О.А. Зайцев // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 2. — С. 166–167.
14. Харитонов И.В. Обеспечение права на предоставление необходимой информации как принцип правосудия для жертв преступлений / И.В. Харитонов // Пробелы в российском законодательстве. — 2009. — № 3. — С. 172–173.
15. Тарасов А.А. Транспарентность правосудия — важный признак правового государства / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. — 2013. — № 4 (34). — С. 15–20.
16. Козочкин И.Д. Защита прав потерпевших (жертв преступления) в США / И.Д. Козочкин // Журнал российского права. — 2009. — № 8. — С. 99–109.
17. Дьяконов М. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства / М. Дьяконов. — Юрьев : Тип. Эд. Бергмана, 1905. — 140 с.
18. Исакова Т.В. О некоторых аспектах восстановительного правосудия и практике его применения / Т.В. Исакова // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф., 11–13 апр. 2013 г. / отв. ред. Т.К. Рябинина. — Курск : Изд-во Юго-Зап. гос. ун-та, 2013. — С. 90–94.
19. Полстовалов О.В. Первоначальная природа реальности уголовного правосудия как она есть / О.В. Полстовалов // Правовое государство: теория и практика. — 2016. — Т. 3, № 45. — С. 123–130.
20. Тарнавский О.А. Принципы уголовного судопроизводства и обеспечение прав и законодательных интересов жертв преступлений / О.А. Тарнавский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. — 2011. — № 27 (244). — С. 78–80.
21. Полищук Д.А. Современная концепция уголовной политики России в сфере защиты интересов правосудия / Д.А. Полищук. — М. : Юнити-Дана, 2013. — 245 с.

REFERENCES

1. Musaev M.A. Criminal juridical policy of Russia and recognition of the victim of crime as complainant. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Present*, 2012, no. 1, pp. 118–126. (In Russian).
2. Musaev M.A. *Zashchita zhertv prestuplenii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Protection of crime victims. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 50 p.
3. Luneev V.V. Issues of criminal law and other sciences of the criminal cycle. In Luneev V. V. (ed.). *Ugolovnoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Law. Topical Issues of Theory and Practice]. Moscow, Yurait Publ., 2010, pp. 15–52. (In Russian).
4. Shendyapin I.M. On the moment when a person is recognized as a victim. *Aktual'nye voprosy primeneniya ugolovno-protsessual'nogo i ugolovnogo zakonodatel'stva v protsesse rassledovaniya prestuplenii (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora I.M. Gutkina). Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical Issues of Applying Criminal Procedure and Criminal Legislation in the Process of Crime Investigation (to the 90th birthday of Professor I.M. Gutkin). Materials of Inter-University Research Conference]. Moscow, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2009, vol. 1, pp. 401–405. (In Russian).
5. Zherebyat'ev I.V. *Lichnost' poterpevshego v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The Personality of the Victim in Contemporary Russian Criminal Court Procedure]. Orenburg, RIK GOU OGU Publ., 2004, 220 p.
6. Sabitov R.A. Correlation of the following concepts «complainant», «sufferer», «victim». *Viktimologiya = Victimology*, 2014, no. 1 (1), pp. 17–26. (In Russian).
7. Waller I. *Rights for victims of crime: rebalancing justice*. London, Rowman & Littlefield Publishers, 2011. 212 p.
8. Williams B. *Victims of crime and community justice*. London, Jessica Kingsley Publishers, 2005. 176 p.
9. Hall M. *Victims of Crime. Policy and practice in criminal justice*. Portland, Willan Publishing, 2009. 262 p.
10. Kepple D.J. The Victim and Witness Protection Act of 1982: Retroactive Application for Continuing Crimes. *Fordham Law Review*, 1989, vol. 58, iss. 1, pp. 87–100.
11. Davis R.C., Anderson J.M., Whitman J., Howley S. *Securing Rights for Victims. A Process Evaluation of the National Crime Victim Law Institute's Victims' Rights Clinics*. Santa Monica, RAND Corporation, 2009. 112 p.
12. Budewitz L.A. State Legislation in Aid of Victims and Witnesses of Crime. *Journal of Legislation*, 1983, vol. 10, iss. 2, pp. 394–413.
13. Zaytsev O.A. Informing of victims about the adoption of criminal procedure decisions. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2012, no. 2, pp. 166–167. (In Russian).
14. Haritonov I.V. Maintenance of the right for granting the necessary information as the principle of justice for victims of crimes. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2009, no. 3, pp. 172–173. (In Russian).
15. Tarasov A.A. Transparency of justice — essential feature of the rule-of-law state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2013, no. 4 (34), pp. 15–20. (In Russian).

16. Kozochkin I.D. Protection of Rights of Injured (Crime Victims) in the USA. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2009, no. 8, pp. 99–109. (In Russian).

17. D'yakonov M. *Ocherki istorii russkogo prava. Istoriya ugovnogo prava i sudoproizvodstva* [Essays on the History of Russian Law. History of Criminal Law and Court Procedure]. Yuriev, Ed. Bergman Publ., 1905. 140 p.

18. Isakova T.V. On some aspects of restorative justice and the practice of its enforcement. In Ryabinina T.K. (ed.). *Problemy otpravleniya pravosudiya po ugovnym delam v sovremennoi Rossii: teoriya i praktika. Materialy 5-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 11–13 aprelya 2013 g.* [Problems of the Administration of Justice on Criminal Cases in Contemporary Russia: Theory and Practice. Materials of 5th International Research Conference, April 11–13, 2013]. Kursk, Southwest State University Publ., 2013, pp. 90–94. (In Russian).

19. Polstovalov O.V. Original nature of the reality of criminal justice as it is. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2016, vol. 3, no. 45, pp. 123–130. (In Russian).

20. Tarnavskiy O.A. Principles of criminal justice and the rights and legitimate interests of crime victims. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, 2011, no. 27 (244), pp. 78–80. (In Russian).

21. Polishchuk D.A. *Sovremennaya kontsepsiya ugovnoi politiki Rossii v sfere zashchity interesov pravosudiya* [Modern Concept of Criminal Policy in the Sphere of Protecting the Interests of Justice]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2013. 245 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полстовалов Олег Владимирович — начальник правового управления администрации городского округа Красногорск Московской области, доктор юридических наук, доцент, г. Красногорск, Российская Федерация; e-mail: Polstovalov74@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polstovalov, Oleg V. — Head, Law Department, Krasnogorsk City District Administration, Moscow Region, Doctor of Law, Ass. Professor, Krasnogorsk, the Russian Federation; e-mail: Polstovalov74@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Полстовалов О.В. Пострадавшие от преступлений, которые по сложившейся практике не признаются потерпевшими / О.В. Полстовалов // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 805–816. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).805-816.

FOR CITATION

Polstovalov O.V. Victims of crimes who are not recognized as such in practice. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 805–816. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).805-816. (In Russian).